

УДК 902.2 Ф 17

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.106.118>**НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ С МЕДНЫМ
ТОПОРОМ УТЕВСКОГО ТИПА В ОРЕНБУРГСКОМ ПРИУРАЛЬЕ¹**

© 2024 г. Н.Л. Моргунова, А.А. Файзуллин, Н.П. Салугина

Основной целью данной статьи является представление погребения взрослого мужчины под курганом с комплексом: медный проушный топор, сосуд типа хума диск из куска охры, жертва ребенка. В погребальных комплексах ямной культуры находки медных проушных топоров крайне редки. До недавнего времени на территории Южного Приуралья было известно 3 топора утевского типа. Они являются важным источником в проблематике исследований ямной культурно-исторической общности для изучения уровня социальной организации и технологий металлургического производства приуральского очага металлургии на раннем этапе бронзового века Евразии. Поэтому каждая новая находка подобных топоров представляет исключительный интерес. Таковой является находка в кургане 4 могильника Каликино II, исследованного в 2021-2022 гг. в Западном Оренбуржье. На основании анализа находки и ее аналогов в контексте погребального обряда и сопутствующего инвентаря, а также радиоуглеродного датирования сделан вывод, что данный комплекс относится к развитому этапу ямной культуры. По мнению авторов, топоры утевского типа и подобные им орудия, известные в пределах культур циркумпонтийской культурной зоны раннего бронзового века, преимущественно использовались как боевое оружие и принадлежали представителям элиты ямного общества. При этом подобные топоры часто входят в комплексы с другими медными инструментами плотницкого назначения, что свидетельствует о его использовании и как производственного символа в ритуально-обрядовой практике.

Ключевые слова: Ямная культура, развитой этап, топор утевского типа, погребальный обряд, абсолютная хронология, социальный аспект.

**NEW BURIAL ASSEMBLAGE OF THE YAMNAYA CULTURE
WITH A COPPER AXE OF THE UTEVKA TYPE
IN THE ORENBURG URALS²**

N.L. Morgunova, A.A. Fayzullin, N.P. Salugina

The main purpose of this article is to present the burial of an adult male under barrow with a complex: a copper socketed axe, a vessel of the huma type, a disk made of a piece of ochre, a child sacrifice. Finds of copper socketed axes are extremely rare in the burial assemblages of the Yamnaya culture. Until recently, 3 axes of the Utevka type were known in the South Urals. They are an important source for studying the level of social organization and technologies of metallurgical production of the Urals center of metallurgy at the early stage of the Bronze Age of Eurasia. Therefore, each new discovery of such axes is of exceptional interest. This is the find in barrow 4 of the Kalikino II burial ground, explored in 2021-2022 in Western Orenburg region. Based on the analysis of the find and its analogues in the context of the burial rite and accompanying inventory, as well as radiocarbon dating, it was concluded that this complex belongs to the developed stage of the Yamnaya culture. According to the authors, axes of the Utevka type and similar tools, known within the cultures of the Circumpontian cultural zone of the Early Bronze Age, were primarily used as military weaponry and belonged to representatives of the Yamnaya society elite. Moreover, such axes are often included in complexes with other copper carpentry tools. This indicates their use as a production symbol in ritual practice.

Keywords: Yamnaya culture, developed stage, Utevka type axe, burial rite, absolute dating, social aspect.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² The work was financially supported by Russian Science Foundation (PHF) within the project № 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals".

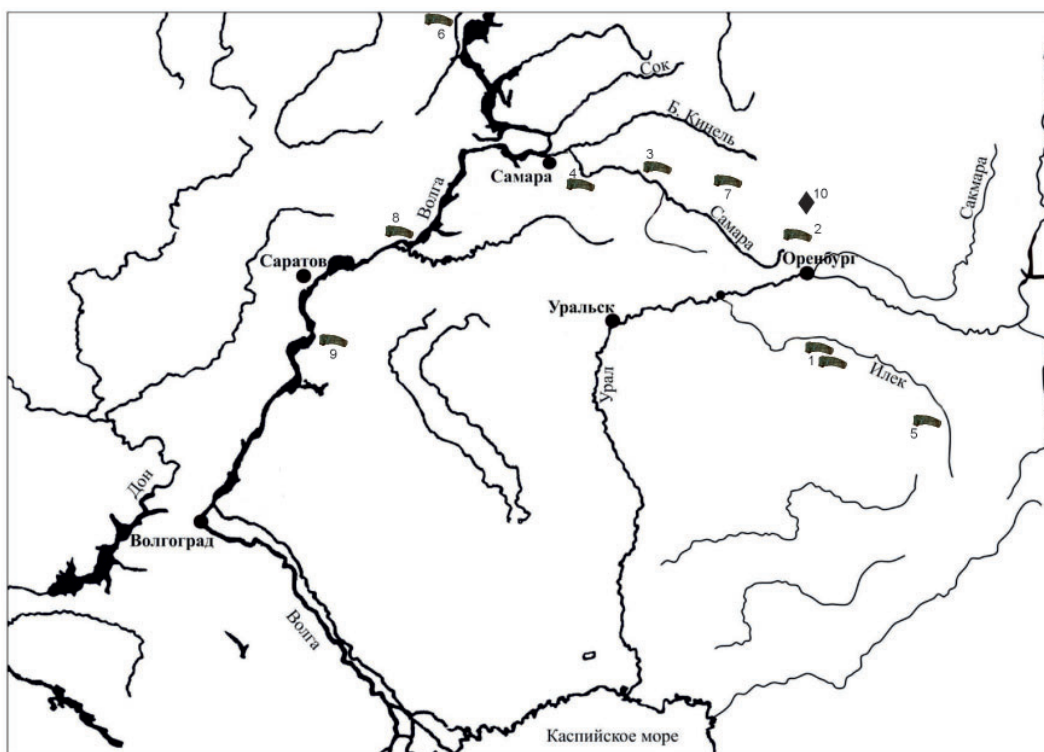

Рис. 1. Памятники ямной культуры Волго-Уральского междуречья с находками топоров утевского типа:

1 – КМ Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 – КМ Першин; 3 – Колтубанка; 4 – КМ Утевка I; 5 – Актюбинск; 6 – Курмашево; 7 – КМ Каликино; 8 – Трубецкая Маза; 9 – Краснополье; 10 – Каргалинские рудники.

Fig. 1. Monuments of the Yamnaya culture of the Volga-Ural basin with finds of axes of the Utevka type:

1 – Tamar-Utkul VII, VIII barrow fields; 2 – Pershin barrow field; 3 – Koltubanka; 4 – Utevka I barrow field; 5 – Aktyubinsk; 6 – Kurmashevo; 7 – Kalikino barrow field; 8 – Truevskaya Maza; 9 – Krasnopolye; 10 – Kargalinskiye rudniki.

Введение

В ассортименте металлических орудий труда и оружия, производившихся металлургами ямной культуры в Приуральском горно-металлургическом центре, особое место занимают медные проушные топоры и не только по причине редкости этих находок (рис. 1), но и по разнообразию интерпретаций их значимости в хозяйственной и социальной сферах. Подобные топоры Е.Н. Черных включил в состав одного из показателей циркум-понтинской металлургической провинции РБВ (Черных, 1978, с. 53). Производство топоров и сопровождающих видов инвентаря на всем длительном хронологическом промежутке от позднего энеолита до раннего бронзового века включительно сосредоточивалось преимущественно в трех горно-металлургических областях Восточной Европы: Кавказской, Балкано-Карпатской и Уральской (Дергачев, 2021).

В Оренбуржье первый проушный медный топор был обнаружен в 20-е годы XX в. В.В. Гольмстен у с. Колтубанка в разрушенном

погребении (Гольмстен, 1928, с. 130-131; Сальников, 1962). Наряду с топором (рис. 2: 10) в могиле присутствовало крупное четырехгранное шило, долотообразное орудие из пластинки, свернутый в трубку, массивное четырехгранное, с загнутым одним концом – орудие и тонкая бронзовая пластинка со штампованным зубчатым орнаментом и рядом отверстий по краям. Позже подобный топор в комплексе с медными ножом, шилом, теслом, стилетобразным орудием с припаянным железным наконечником, каменным пестом для обработки металла, золотыми подвесками и массивным глиняным сосудом был найден в уникальном погребении в КМ Утевка I 1/1¹ (рис. 2: 3) (Васильев, 1980; 2015, с. 6). Еще два топора, также в комплексах с другими медными изделиями обнаружены в КМ Тамар-Уткуль VII 8/4 и VIII 4/1 (рис. 2: 1-2) (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 21-26). Со временем за данным типом топоров закрепилось название – топоры «утевского типа»², иногда используют понятие «тамар-уткульский тип».

Отличительные особенности топоров следующие (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с. 228). Средние размеры: длина топоров от 11 до 13 см, высота обуха – до 4-4,5 см, высота лезвия – 3,5-4,5 см, длина клина – 8-8,9 см. Вес тамар-уткульских изделий чуть более 300 г, что несколько меньше их аналогов в Поволжье. У топоров две конструктивных особенности: сужение клина к лезвию и скошенность лезвия по отношению к обуху. Все они были отлиты из металла, полученного из руды Каргалинского меднорудного месторождения в Южном Приуралье (Корневский, 1977; Орловская, 1994; Дегтярева, 2010). Местное производство топоров утевского типа в приуральском очаге металлопроизводства подтвердилось находкой литейной формы для отливки подобных топоров в погребении ямной культуры в КМ Першин 1/4, открытого на Каргалах (Черных и др., 2000., с. 62-66 рис.8), а также данными технологического анализа топоров из Тамар-уткульских курганов (Дегтярева, 2010, с. 33, 44).

В Волго-Урале известны находки проушных топоров из случайных находок. Это топоры из деревни Курмашево Республики Татарстан (рис.2: 7), урочища Труевская Маза (рис.2: 9) и села Краснополя в Саратовской области (рис.2: 5), находка из города Актюбинск в Казахстане (рис.2: 4) и топор из деревни Плотниково Алтайский край (рис.2: 8) (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с. 59). Наряду с ними известна находка топора из музея села Княжеское Челябинской области, который аналогичен по типолого-морфологическим признакам, химическому составу металла (чистая медь Приуральских рудников), а также по технологии изготовления (рис. 2: 6) (Виноградов и др., 2008., с. 112).

Небезынтересно отметить отдаленные аналогии топорам утевского типа на Украине, в Карпато-Подунавье и на Балканах. Однако при наличии близких приемов производства по основным признакам типологии западные образцы проушных топоров более близки кавказским образцам майкопской культуры (Дергачев, 2021, с. 409).

Приуральские топоры также иногда сравнивают с майкопскими, полагая, что они являются модификацией северокавказских образцов. При более близком

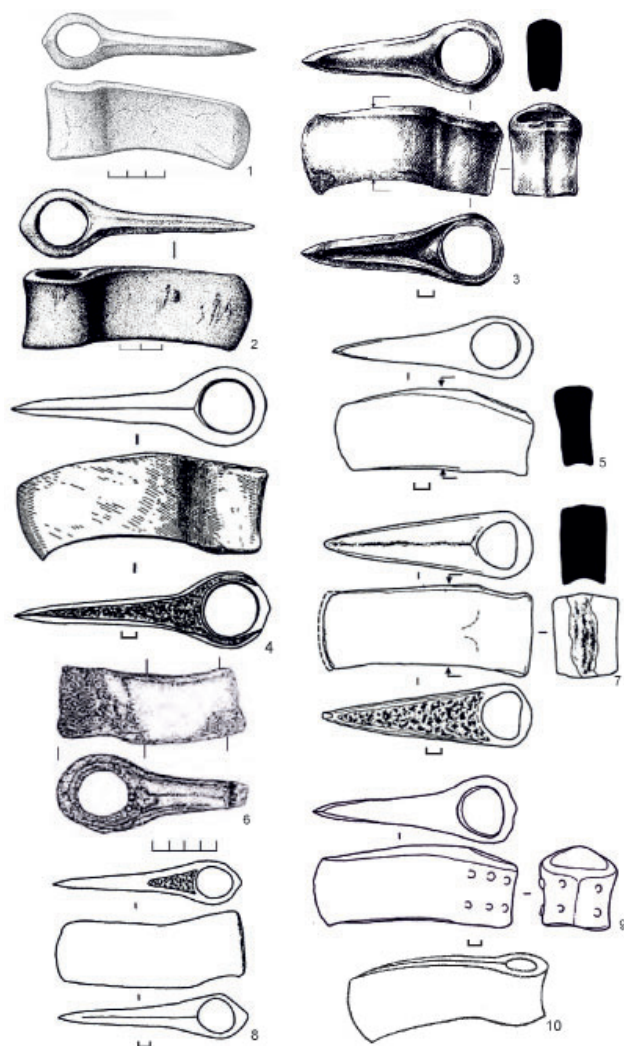

Рис. 2. Находки топоров утевского типа в Поволжье и Приуралье: 1. КМ Тамар-Уткуль VII 8/4; 2. КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1; 3. КМ Утевка 1/1. Случайные находки: 4. Актюбинск (Казахстан); 5. Краснополье (Саратовская область); 6. Княжеское (Челябинская область); 7. Курмашево (Татарстан); 8. Плотниково (Алтайский край); 9. Труевская Маза (Саратовская область); 10. Колтубанка (Оренбургская область). (по: Моргунова, Кравцов, 1994; Васильев, 2015; Кузнецов, Кузьминых, 2006; Сальников, 1962; Виноградов и др., 2008).

Fig. 2. Finds of Utevka type axes in the Volga and Urals: 1. Tamar-Utkul VII 8/4 barrow field; 2. Tamar-Utkul VIII 4/1 barrow field; 3. Utevka 1/1 barrow field. Chance finds: 4. Aktyubinsk (Kazakhstan); 5. Krasnopolye (Saratov region); 6. Knyazheskoe (Chelyabinsk region); 7. Kurmashchevo (Tatarstan); 8. Plotnikovo (Altai region); 9. Truevskaya Maza (Saratov region); 10. Koltubanka (Orenburg region). (as per: Morgunova, Kravtsov, 1994; Vasilyev, 2015; Kuznetsov, Kuzminykh, 2006; Salnikov, 1962; Vinogradov et al., 2008).

знакомстве с майкопским металлом можно убедиться в значительных типологических их

отличиях от топоров утевского типа. Майкопские топоры отличает массивность, широкий клин с расширяющимся лезвием, форма обуха (Мунчаев, 1975, рис. 38, 53; Кореневский, 1974; 2011, рис. 40-46; Резепкин, 2012, рис. 167; Канторович и др., 2013). Существенно от майкопских изделий волго-уральские изделия отличает технология их производства, как по составу сырья, так и по его обработке (Резепкин, 2012, с. 64-70; Рындина, Равич, 2019, с. 47; Моргунова, 2014, с. 300; 2021, с.1256).

Главное своеобразие топоров утевского типа в сравнении с майкопскими и с причерноморскими подобными орудиями – это зауженная лезвийная часть при относительно более широкой верхней части клинка и обуха. Они по своим параметрам и форме отличаются грацильностью, что, по мнению специалистов, связано со стремлением мастеров уменьшить вес орудий (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с.58). За пределами Волго-Уралья известны только два топора с близкими показателями соотношения ширины лезвия и ширины обухной части. Один из них происходит из Черкасской, второй – из Тернопольской областей Украины (Дергачев, 2021, с.433).

Таким образом, топоры утевского типа являются, прежде всего, важным источником для изучения технологии металлургического производства приуральского очага металлургии на раннем этапе бронзового века и определения его роли и места в системе древнейшего металлопроизводства Евразии. Поэтому каждая новая находка подобных топоров представляет исключительный интерес. Данная статья посвящена представлению одной из них в кургане 4 могильника Каликино II, исследованного в 2021-2022 гг. экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета под руководством Н.Л. Моргуновой в Западном Оренбуржье. При этом основной целью публикации является определение технологических характеристик топора и керамического сосуда, определение хронологии комплекса, в том числе с помощью радиоуглеродных дат, уточнение функционального назначения топора и его символизма в понимании социального статуса погребенного под курганом представителя ямной культуры.

Материалы и обсуждение.

Памятник в количестве 30 курганов находился на высокой площадке первой терра-

сы левого берега реки Ток, в 2 км к ВЮВ от поселка Каликино Грачевского района. Курганы ямного времени, в том числе курган 4, располагались в северо-восточной части курганного поля. Особый интерес представляют материалы кургана 4, где был обнаружен топор и другие неординарные артефакты. Курган 4 достигал диаметра 28 м, высоты – 38-39 см, диаметр подкурганной площадки не превышал 13 м. На уровне материка, под сильно оплывшей насыпью зафиксирован ров, состоявший из разных размеров ям корытообразной и овальной формы. Какие-либо артефакты при вскрытии ям не обнаружены.

В центре подкурганной площадки с небольшим смещением к югу располагалось единственное, основное в кургане погребение №1 эпохи ранней бронзы (рис. 3-4). Оно представляло собой захоронение в глубокой яме прямоугольной формы, ориентированной по линии З – В. Размеры ямы: 240X148 см, глубина от уровня погребенной почвы 190 см, от уровня материка 130 см. На дне ямы обнаружен скелет мужчины около 19 лет³, в позе скорченно на правом боку, головой на восток, с заваленными вправо костями ног (кости ступней и пяток четко покоились на дне ямы). Кость левого крыла таза была приподнята вверх и накрыта кистью левой руки, череп лежал на правой стороне лицом на запад. Плечи костяка приподняты, правая рука согнута в локте и отставлена в сторону, пальцы касались бедренной кости правой ноги. По всей площади дна и под скелетом сохранилась толстая подстилка, состоявшая из растительных волокон.

В захоронении обнаружены уникальные вещи. Керамический сосуд в раздавленном состоянии располагался с левой стороны скелета, к югу от плечевой кости (рис. 5-6). Между левой плечевой костью и сосудом найдена бедренная кость ребенка около 6-7 лет. Остальные кости скелета ребенка не обнаружены. Перед лицевой частью черепа находились медный топор утевского типа, лепешка из охры и кость (альчик) мелкого рогатого скота (козы). Рядом со ступней правой ноги найден фрагмент стенки от упомянутого выше сосуда.

Остановимся на каждой из находок подробнее.

Топор медный, цельнолитой в двусторонней форме (рис. 5). Максимальная длина топо-

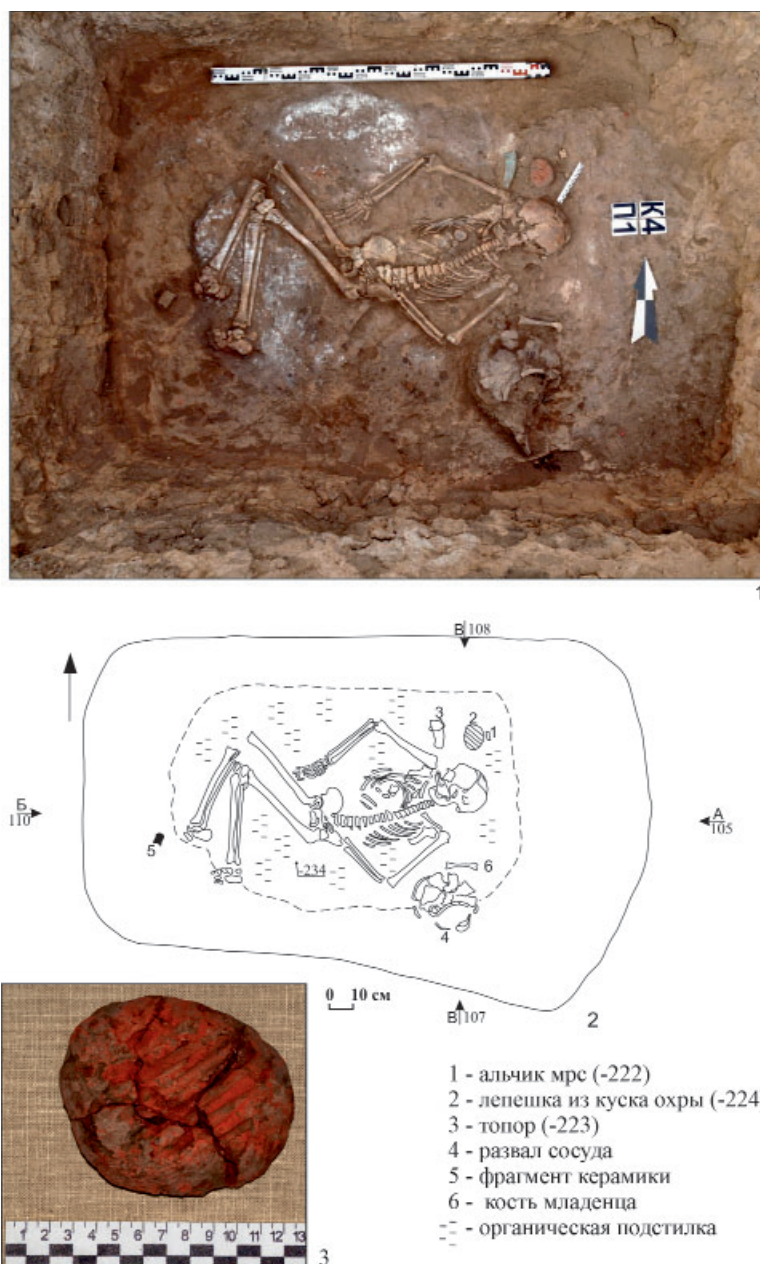

Рис. 3. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1: 1 – фото погребения; 2 – план погребения;
 3. – Лепешка из куса охры.
Fig. 3. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1: 1 – photo of the burial; 2 – burial plan;
 3 – flat cake from piece of ochre.

ра от обуха до лезвия – 12 см. Обух круглый в сечении (д – 3 см), с торца слегка вогнут, его высота – 3 см. Диаметр втулки – 1,3х1,8 см. Вес топора – 328 гр. Во втулке сохранился кусок древка из бука⁴. Клин орудия имеет параллельные, слегка изогнутые нижнюю и верхнюю границы, концы лезвия слабо округлены, край прямой. Клин по отношению к обуху приподнят, а затем приспущен в районе лезвия. Ширина лезвия – 2,8 см. По верхней части клина от втулки до лезвия проходит грань. По всем отмеченным признакам топор

находит прямые аналогии с топорами из Утевского кургана и Тамар-Уткульских курганов. Однако вес утевского топора вдвое больше как каликинского, так и тамар-уткульских (Кузнецов, Кузьминых, 2006, с.57). Аналогично более массивными, за исключением колтубанского экземпляра, выглядят все топоры из упомянутых выше случайных находок (рис. 2). По морфологии они также достаточно близки майкопским топорам. Поскольку известен состав металла группы МП некоторых из них (Труевская Маза, Энгельс, Черных,

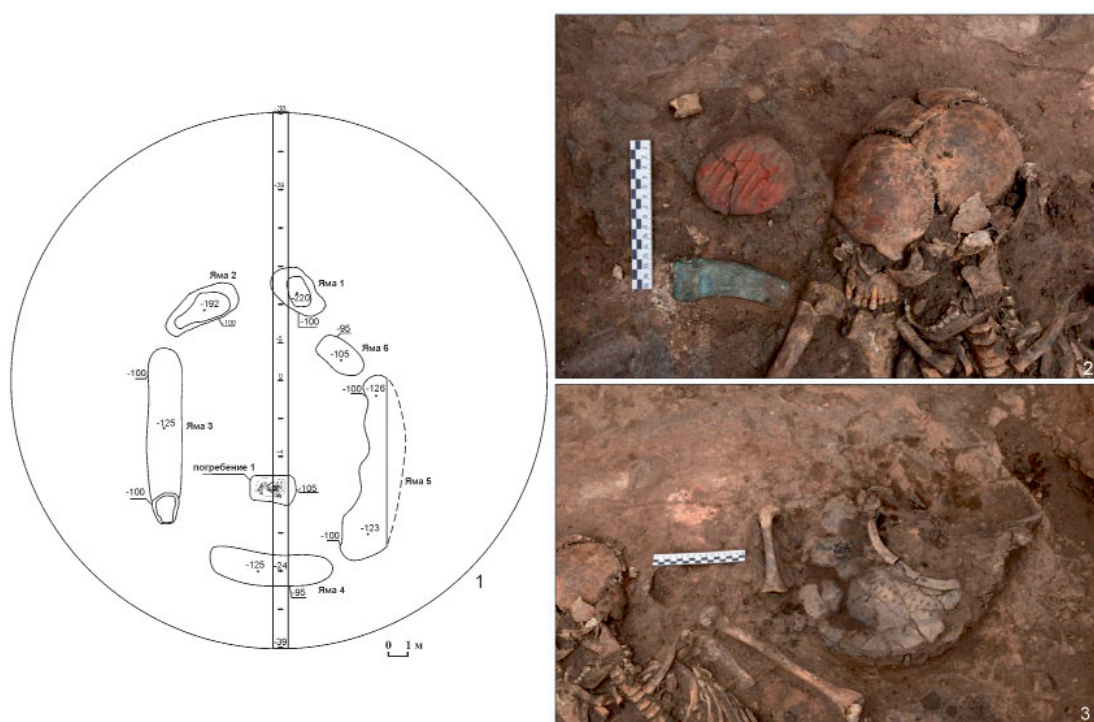

Рис. 4. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1. 1 – план подкурганной площадки; 2 – крупный план: череп, лепешка из куса охры, медный топор, кость мрс; 3 – крупный план: сосуд из глины, кость ребенка.

Fig. 4. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1. 1 – plan of under barrow area; 2 – close-up: skull, flat cake from ochre, copper axe, bone of small livestock; 3 – close-up: vessel, bone of child.

1966, с. 134-136), то можно предположить их более раннюю хронологическую позицию по отношению к топорам утевского типа, то есть производство на раннем этапе становления приуральской металлургии под влиянием металлопроизводства майкопских мастеров.

Лепешка из охры – изделие овальной формы сформовано или вырезано из крупного куса охры, видимо, во влажном состоянии (рис. 3: 3). На нижней части изделия имеются отпечатки пальцев. По верху нанесен орнамент при помощи широкого орудия в виде 6 косых, параллельных полос. Диаметр изделия – 8-10 см, толщина – 4 см. Аналогии данной находке в ямной культуре Волго-Уралья не имеются. Сложно сказать, что может символизировать такая находка. Форма изделия (круг, овал) и материал в виде охры позволяет предполагать ритуальное предназначение предмета. Находки в виде символики круга или овала встречаются в погребениях ямной культуры не только в Приуралье, но повсеместно от Волго-Уралья до Северо-Западного Причерноморья (Моргунова, Турецкий, 2003). Курганы ямной культуры имеют округлую форму, а по последним данным в древности им специально придава-

ли подобные формы – полусферы (Хохлова, и др., 2023). При декорировании погребальных камер были обнаружены округлые колеса из глины в КМ Изобильное (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 42). В погребении вождя в КМ Болдырево I 1/1 был обнаружен кусок бересты округлой формы, в которую был помещена железная руда (Моргунова, Кулькова, Кульков, 2021, с. 167). Конечно, эти примеры не являются прямыми аналогиями, но можно предположить, что эти символы связаны с солярным культом. При том, отмеченные знаки обнаружены в захоронениях лиц с высоким социальным статусом (Моргунова, Файзуллин, 2018).

Сосуд из глины шаровидной формы с круглым дном (рис. 6; 4: 3). Визуально примеси в глиняной массе не наблюдаются. Горловина невысокая, профилирована. Венчик приплюснут и отогнут на внешнюю сторону. Ширина уплощенного венчика – 1,5 см. Внешний край закруглен. Шейка прямая высотой 1 см. Внутренний диаметр горловины – 12, 3 см. Диаметр тулова – 22,5 см. Высота сосуда – 20 см. По внешней округлой части венчика нанесены небольшие вдавления-наколы. Ряд таких же вдавлений украшал уплощенную

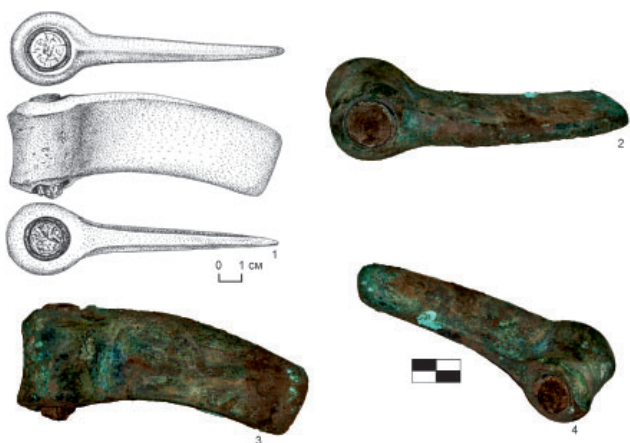

Рис. 5. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1.
1-2 – Топор медный.

Fig. 5. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1.
1-2 – Copper axe.

поверхность венчика. По плечикам орнамент выполнен в три ряда вдавлений овального слабо-зубчатого штампа в отступающей манере. По всему тулову по внешней и внутренней поверхностям было сделано заглаживание зубчатым штампом в разных направлениях.

Проведенный микроскопический анализ технологии изготовления сосуда по методике А.А. Бобринского (Салугина, Моргунова, 2024) показал, что отбиралась незапесоченная ожелезненная глина, засоренная карбонатными включениями (рис.6: 2). Формовочная масса составлялась путем добавления к глине шамота и выжимки из навоза жвачных животных. Начин сосуда выполнен в соответствии с емкостно-донной программой. Строительными элементами для изготовления как начина, так и полого тела выступали, скорее всего, короткие жгуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. Поверхность сосуда заглажена гребенчатым штампом.

Данный сосуд можно отнести к группе так называемых крупнотарных хумовидных сосудов. По морфологическим и технологическим признакам: оформление венчика, наличие небольшой, но все же выделенной шеи, обработка поверхности расчесами крупным гребенчатым штампом, отбор природной ожелезненной глины, изготовление начина в соответствии с емкостно-донной программой, сосуду из Каликино близки сосуды типа хумов с Турганикского поселения (Салугина и др., 2016, с. 92-93). Отличие состоит в отсутствии орнамента на турганикских сосудах и наличии в составе их формовочной массы дробленой, специально нагретой раковины.

Подобная хумовидная керамика, различаясь деталями оформления формы и некоторыми особенностями технологии изготовления, хотя и не часто, но встречается по всей территории распространения ямной культуры (Салугина и др., 2016, с.95, рис. 2). Практически все исследователи видят истоки традиции изготовления таких сосудов в культурах Северного Предкавказья (Салугина и др., 2016, с. 94-96). Это мнение в некоторой степени подтверждается фактом изготовления начина сосуда из Каликино по емкостно-донной программе. В свое время А.А. Бобринский отмечал, что данный прием конструирования наиболее распространен на Северном Кавказе и в Закавказье, в частности, он отмечен по материалам двух археологических культур: куро-аракской и майкопской (Бобринский, 1978, с. 115–116). Ранее мы высказывали предположение, что изготовление подобных сосудов в Приуралье может быть подражанием майкопскому гончарству в связи с активизацией контактов с предкавказским населением в период, когда в Приуралье начинается становление местного металлургического центра на базе Каргалинского месторождения медной руды (Моргунова и др., 2017, с. 170-171; Моргунова, Файзуллин, 2021).

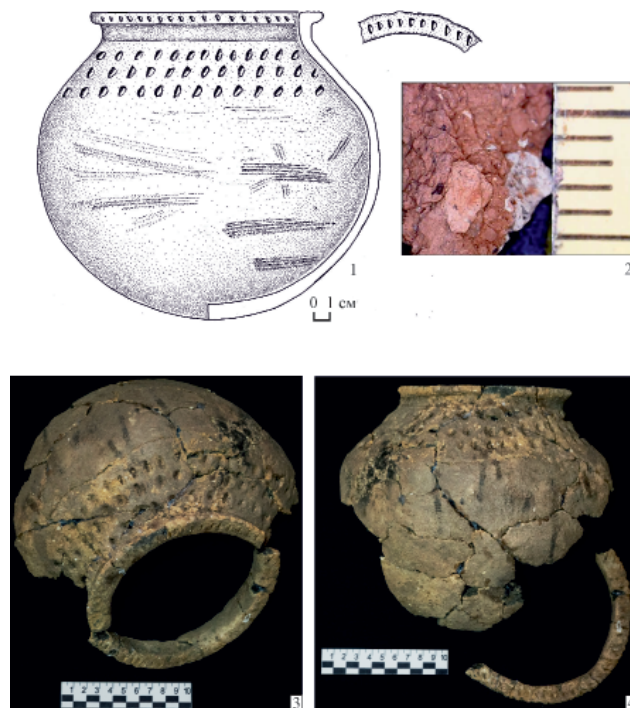

Рис. 6. КМ Каликино. Курган 4. Погребение 1. 1-4 – Керамический сосуд (2 – состав формовочной массы).
Fig. 6. Kalikino barrow field. Barrow 4. Burial 1. 1 – 4. Ceramic vessel (2 – composition of pottery paste).

Хронология топоров утевского типа.

По данным археологии Каликинский комплекс можно уверенно отнести к развитому этапу ямной культуры. Об этом свидетельствует и погребальный обряд, и находка топора утевского типа. Радиоуглеродные даты, полученные ранее для погребений с топорами в двух комплексах Тамар-уткульских курганов (Моргунова, Й ван дер Плихт, 2013) указывают на датировку подобных предметов началом III тыс. до н.э.

Однако наличие хумовидного сосуда, по технологии и морфологии близкого крупнотарным сосудам с Турганикского поселения, которые происходят из культурного слоя раннего, репинского этапа ямной культуры (Моргунова и др., 2017, с.221-231) оставляет сомнение в датировке каликинского погребения аналогично тамар-уткульским комплексам.

Снять это противоречие позволили данные радиоуглеродного датирования. Нами получены 2 ¹⁴С даты УМС в ЦКП «Геохронология кайнозоя» – по кости основного скелета взрослого человека и по кости ребенка (табл.1, №1-2). Дата №3 SPb-3987, полученная по дереву, немного моложе дат, полученных по костям людей. Однако, в целом, все три ¹⁴С даты показывают близкие значения и указывают на время совершения погребения в пределах хронологического интервала 2882-2626 лет ВС (95,4 % вероятности). Полученные даты полностью соответствуют АМС датам, полученным ранее для погребений с топорами утевского типа из курганов могильников Тамар-Уткуль VII, VIII и для погребения с литевой формой для таких топоров из кургана КМ Першин (Черных и др., 2000). Они также были сооружены в данном интервале времени (табл.1, № 5-7). В то же время в свете архаичных признаков в технологии сосуда нельзя не упомянуть еще одну ¹⁴С дату №4, полученную по дереву сцинтилляционным способом по тому же дереву в лаборатории г. Томска. Дата отличается слишком широким допустимым интервалом, поэтому все остальные даты, полученные на АМС представляются более предпочтительными.

Что касается архаичности сосуда и его помещения в погребение, то допустимо такое предположение, что сосуд мог быть поставлен в могилу как память о предках. Подтвердить этот вывод затруднительно, однако следует учесть сакральный характер всего комплекса,

о чем явно свидетельствуют солярный символ и жертвоприношение маленького ребенка (вернее, его части). При этом отметим, что наличие архаичных вещей в ямных комплексах Приуралья, причем, как правило, связанных с сакральным символизмом, не такая уж и редкость. К примеру, в КМ Красиково 2/1 в расчлененном погребении с отделенным черепом находилась пектораль из клыка кабана, имевших широкое распространение в наиболее престижных обрядах эпохи энеолита (Моргунова и др., 2014). Человеческие жертвы, причем детей, предварительно расчлененных, неоднократно фиксировались в элитных погребениях ямной культуры Приуралья, в том числе в одном из курганов Тамар-Уткуль с топором (Моргунова, 2014; Файзуллин, 2023, с. 17). Кроме того, обращает на себя внимание факт вхождения топоров утевского типа в комплексы с другими престижными медными изделиями – ножами, стамесками, теслами, долотами, биметаллическими резчиками.

В этой связи, представляя новый, достаточно яркий и выразительный погребальный комплекс с медным топором невозможно обойти часто обсуждаемый вопрос о социальном статусе подобных погребений и о функциональном предназначении подобных топоров. На наш взгляд, весь контекст погребения позволяет подтвердить следующие заключения, которые авторами делались ранее или высказывались на уровне предположений (Моргунова, Файзуллин, 2018).

Во-первых, погребение в кургане 4 КГ Каликино явилось еще одним свидетельством существования военно-производственного и сакрального символизма, который был присущ погребальным обрядам культур ранней фазы формирования стратифицированных комплексных обществ, что, вероятно, получило развитие в социальных процессах, происходивших на развитом этапе ямной культуры волго-уральского региона. Так, в таких элитных комплексах, как Утевка I 1/1, Тамар-Уткуль VII 1/1, Болдырево I 1/1 и др. сочетались грандиозность погребальных сооружений и наличие престижных медных орудий плотницкого предназначения.

Во-вторых, учитывая конструктивные и технологические особенности топоров, а также их встречаемость в наиболее богатых погребальных комплексах, авторы однозначно склоняются к точке зрения о домини-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты из погребений с топорами утевского типа.
Table 1. Radiocarbon dates from the burials with Utevka type axes.

№ п/п	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС 95,4%	$\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}}^{\text{‰}}$	$\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}^{\text{‰}}$
1	Каликино 4/1	GV-3870	кость человека	4182 ± 37	2882 – 2626	-16,4	10,7
2	Каликино 4/1	GV-3871	кость ребенка	4142 ± 37	2876 – 2621	-15,6	15,6
3	Каликино 4/1	SPb-3987	дерево	3980±45	2623 – 2343		
4	Каликино 4/1	ИМКЭС-14C2252 Томск	дерево	4855±115	3773 - 3520		
5	Тамар-Уткуль VII 8/4	GrA 54390	кость человека	4145± 35	2864– 2635	–	–
6	Тамар-Уткуль VIII 4/1	GrA 54382	кость человека	4165± 35	2873 – 2677	–	–
7	Першин 1/4	BM 3157	дерево	4200 ± 60	2900 – 2660	-	-

нирующей военной функции большинства этих изделий и их использовании в боевых действиях. Возможно, поэтому неслучайно в качестве рукояти для каликинского топора было использовано дерево бука, произрастающего далеко на западе от Поволжья. О преимущественном использовании проушных топоров в военных целях высказывались другие исследователи (Кореневский 2011: 62-67, 125; Дергачев, 2021, с. 437). Однако при этом, скорее всего, не исключается и производственное использование топоров наряду с другим инструментарием в качестве плотницкого инструмента, например, в изготовлении деревянных повозок, приобретших в ямной культуре важнейшее общественное значение

как средство передвижения в условиях развития подвижного скотоводческого хозяйства.

И в заключении еще раз отметим важный вывод, подтвержденный находкой в кургане 4 Каликинского могильника в Оренбуржье. Топоры утевского типа из памятников ямной культуры Волго-Уралья наряду с другими разнообразными медными изделиями свидетельствуют, с одной стороны, о самодостаточности приуральского очага металлопроизводства и о его высокой эффективности в плане развития технологий и производительности труда, а, с другой, о связях приуральского ГМЦ с ведущими очагами металлопроизводства Евразии в раннем бронзовом веке.

Примечания:

¹ Здесь и далее использованы следующие сокращения: КМ – курганный могильник; 1/1 – номер кургана/номер погребения.

² Данный термин представляется более предпочтительным, так как впервые в закрытом комплексе подобный топор найден в Поволжье в Утевском могильнике, т.е. термин топор утевского типа вошел в научный обиход раньше.

³ Определение пола и возраста установлено д.и.н., сотрудником ИА РАН М.Б. Медниковой.

⁴ Определение д.г.н. А.А. Гольевой (Институт географии РАН).

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВорГУ, 1980. С. 32–58.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2015. С. 4–51.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузминых С.В. Случайная находка топора древнеямной культуры в Челябинской области // РА. 2008. № 4. С. 111–114.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 125–137.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дергачев В.А. Топоры типа Майкоп-Новосвободная-Банябик. Классификация/типология. // Систематизація неолітичних і енеолітичних матеріалів Південно-Східної та Центральної Європи. Сборник научных трудов к 70-летию Сергея Рыжова / Отв. ред. А. Дьяченко. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2021. С. 369–445.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская 5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 71–108.

Корневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.

Корневский С.Н. О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГПУ, 1977. С. 44–65.

Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.

Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В. О топорах утевского типа в степном Волго-Уралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 56–60.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Моргунова Н.Л. Металлопроизводство и его роль в культурогенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1248–1269.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 55–62.

Моргунова Н.Л., ван дер Плихт, Й. Результаты радиоуглеродного датирования Тамар-Уткульских курганов в Оренбургской области // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15. № 5. 2013. С. 261–268.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.

Моргунова Н.Л., Кулькова М.А., Кульков А.М. Метеоритное железо в производственной и ритуальной практике ямной культуры Приуралья // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 190–206.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН 2003. С. 144–159.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum Plus. 2018. № 2. С. 35–60.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневожский археологический вестник. Т. 20, № 1. 2021. С. 5–19.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.

Орловская Л.Б. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 112–115.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: ИИМК РАН, 2012. 344с.

Рындина Н.В., Равич И.Г. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований. М.: Университетская книга, 2019. С. 181–197.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л. Новый керамический комплекс ямной культуры из курганного могильника Каликино-2 в Южном Приуралье: морфология и технология изготовления // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре. Материалы конференции / Отв. ред. А. А. Выборнов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 54–56.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 91–98.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 16–58.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Файзуллин А.А. Пол, возраст и статус в погребальных комплексах населения ямной культуры Волго-Уралья // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 11–24.

Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мякина Т.Н. Основные приёмы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье // Почвы и окружающая среда. 2023. Т. 6. № 2. С. 1–20.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 62–84.

Информация об авторах:

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nina-morgunova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий археологической лабораторией Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Автономная некоммерческая организация «Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований» (г. Москва, Россия); nsalug@gmail.com ORCID: 0000-0003-4031-9991

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (EastEuropean Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1980. In Pryakhin, A.D. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 32–58 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 2015. In Turetskiy, M. A., (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 5. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 4–51 (in Russian).

Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 111–114 (in Russian).

Gol'msten V.V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 125–137 (in Russian).

Degtyareva, A. D. 2010. *Istoriya metalloproizvodstva Yuzhnogo Zaural'ya v epokhu bronzy (History of metal production in the south trans-Urals basin during the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dergachev, V. A. 2021. In D'yachenko, A. (ed.). *Sistematizatsiya neolitichnikh i eneolitichnikh materialiv Pivdenno-Skhidnoi ta Tsentral'noi Evropy. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu Sergeya Ryzhova (The systematization of Neolithic and Eneolithic materials of the Southeastern and Central Europe. Collected scientific papers dedicated to the 70th anniversary of Sergei Ryzhov)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 369–445 (in Russian).

Kantorovich, A. R., Maslov, V. E., Petrenko, V. G. 2013. In Belinskii, A. B. (ed.-in-chief). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus)*. 11. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" Publ., 71–108 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 14–32 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya (Middle Volga Archaeological Expedition)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 44–65 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspekt (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Kuzminykh, S. V. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Pit Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 56–60 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti (The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural variant of the Yamnaya cultural and historical region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L. 2021. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorika. Seria (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series)* 4 (66), 1248–1269 (in Russian).

Morgunova, N. L., Evgen'ev, A. A., Kryukova, E. A., Kharlamov, P. V., Fayzullin, A. A., Gol'eva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).

Morgunova, N. L., van der Pliht, J. 2013. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 15 (5), 261–268 (in Russian).

Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. 1994. *Pamyatniki drevneyamnnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L., Kul'kova, M. A., Kul'kov, A. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 262, 190–206 (in Russian).

Morgunova, N. L., Turetskiy, M. A. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 144–159 (in Russian).

Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A. 2018. In *Stratum Plus* (2), 35–60 (in Russian)

Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (1), 5–19 (in Russian)

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Orlovskaya, L. B. In 1994. Morgunova, N. L., Kravtsov, A. Yu. *Pamyatniki drevneyamnnoi kul'tury na Ilike (Monuments of Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 112–115 (in Russian).

Rezepkin, A. D. 2012. *Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika Klady) (Novosvobodnaya culture (based on materials from the Klady burial ground))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian)

Ryndina, N. V., Ravich, I. G. 2019. *Metall maykopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza v svete analiticheskikh issledovaniy (Metal of the Maykop culture of the North Caucasus in the light of analytical research)*. Moscow: "Universitetskaya kniga" Publ. (In Russian)

Salugina, N. P., Morgunova, N. L. 2024. In Vybornov, A. A., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnyaya keramika Evrazii: ot sosuda k kul'ture (Ancient Pottery of Eurasia: from vessel to culture)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 54–56 (in Russian).

Salugina, N. P., Morgunova, N. L., Turetsky, M. A. 2016. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 17 (4), 91–98 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 16–58 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast)*. Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Fayzullin, A. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 11–24 (in Russian)

Khokhlova, O. S., Sverchkova, A. E., Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A., Myakshina, T. N. 2023. In *Pochvy i okruzhayushchaya sreda (Soils and the environment)* 6 (2), 1–20 (in Russian)

Chernykh, E. N. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–82 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Yu., Lun'kov, V. Yu. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: "Orenburgskaya guberniya" Publ., 62–84 (in Russian).

About the Authors:

Morgunova Nina L., Doctor of Historical Sciences, chief researcher of the Orenburg state pedagogical University, Orenburg, 460014, Sovetskaya str. 19, Russia. E-mail: nina-morgunova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Faizullin Airat A., Candidate of Historical Sciences, leading researcher, head of the Archaeological Laboratory, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, 460014, st. Sovetskaya 19, Russia, faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Salugina Natalya P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Autonomous Non-profit Organization "Scientific and Educational Center for Paleoethnological Research", Novaya Ploshchad, 12, building 5, Moscow, 109012, Russia. E-mail: nsalug@gmail.com ORCID: 0000-0003-4031-9991

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу